

ветует Ставрогину «поглупеть». Да и по собственному признанию Ставрогина, «нужно быть действительно великим человеком, чтобы суметь устоять даже против здравого смысла» (10, 209). Так, может быть, ум — признак мелкой или мельчающей природы?!

Во всяком случае, для женщины оказывается лучше чувствовать, чем размышлять. Это своего рода защитная реакция женщины, и в этом ее природная сила и природный разум. Можно представить, например, до чего довела бы Хохлакова Черта Ивана Карамазова, задумай, он явиться ей. До «белой горячки» бы довела и, посрамив, «отказала от дома» совсем.

Конечно, образ Хохлаковой во многом утрирован, какие-то черты в нем явно окарикатурены, вызывают смех. Но, оставаясь высокохудожественным, имеет свою особую эстетическую и идейную ценность.

А. Л. ГУМЕРОВА

ФОНОВОЕ ЦИТИРОВАНИЕ В РОМАНЕ ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ»

Известно, что в творчестве Достоевского большую роль играет взаимодействие с предшествующими текстами. Уже неоднократно многие исследователи роли цитат у Достоевского отмечали, что появляющаяся цитата, как правило, действует не локально, а подчиняет себе целый текст или часть текста. Я хотела бы разобрать другой аспект появления и функционирования цитаты у Достоевского, дополняющий упомянутый выше. А именно: такой вариант, при котором после появления цитаты текст романа продолжает развиваться на фоне продолжения цитаты, формально уже не попадающей в область цитирования.

Так, например, такое цитирование как минимум дважды появляется в разговорах старца Зосимы. В обоих примерах, которые я приведу, это цитаты из Священного Писания. Первый пример такого рода — в сцене разговора старца Зосимы с Алешей: «Кончилось тем, что старец дал согласие и день был назначен. „Кто меня поставил делить между вами?“ — заявил он только с улыбкою Алеше» (14, 31). Это неточная цитата из 12-й главы Евангелия от Луки, стих 14: «Некто из народа сказал Ему: Учитель! скажи брату моему, чтобы он разделил со мною наследство. Он же сказал человеку тому: кто поставил Меня судить или делить вас?». Очевидно, что эта цитата важна для трактовки образа старца Зосимы, однако сейчас я хотела бы отметить другое. Посмотрим контекст цитаты в Евангелии, т. е. продолжение слов Христа: «И сказал им притчу: у одного богатого человека был хороший урожай в поле;

и он рассуждал сам с собою: что мне делать? некуда мне собрать плодов моих? И сказал: вот что сделаю: сломаю житницы мои и построю большие, и соберу туда весь хлеб мой и всё добро мое, и скажу душе моей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись. Но Бог сказал ему: безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?» (Лк. 12 : 16—21). Очевидно, что вся эта притча явно имеет отношение к происшедшему в романе: некий человек собирается предаваться наслаждениям, однако вместо этого его ожидает смерть. Так что слова старца звучат скрытым предостережением. Несмотря на то что саму притчу старец не произносит, однако, скорее всего, предполагается, что Алеша ее помнит. Действительно, встреча со старцем назначается под предлогом имущественных споров между Федором Павловичем и Дмитрием, но в конце романа один будет убит, а другой пойдет на каторгу (или же бежит в Америку) (отметим вопрос, которым заканчивается притча, — «кому же достанется то, что ты заготовил?». Дмитрий, как обвиненный в убийстве отца, не может унаследовать его имущество). Поэтому, вероятно, к этому случаю также можно отнести слова Ракитина о том, что старец Зосима «уголовщину пронюхал» (14, 73). Возможно, упомянутая улыбка старца связана именно с тем, что он прозревает будущее и таким скрытым образом пытается предупредить Алешу, т. е. в данном случае появление цитаты из Евангелия похоже, скорее, на намек, сделанный старцем Алеше.

Затем такое же цитирование возникает в сцене беседы в келье старца. «Учитель, — повергся он (Федор Павлович. — А. Г.) вдруг на колени, — что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?» (14, 41). На это старец отвечает — отмечу, что опять «с улыбкой»: «Сами давно знаете, что надо делать, ума в вас довольно: не предавайтесь пьянству и словесному невоздержанию, не предавайтесь сладострастию, а особенно обожанию денег, да закройте ваши питьевые дома, если не можете всех, то хоть два или три. А главное, самое главное — не лгите» (14, 41). Цитата в речи Федора Павловича прокомментирована уже неоднократно, в том числе и в комментарии к академическому изданию романа «Братья Карамазовы». Эту же цитату разбирает Б. Н. Тихомиров:

«В примечаниях ПСС к этому эпизоду указывается, что Федором Павловичем „повторяются слова, обращенные к Христу и названные в Евангелии искушением (см.: Лк. 10 : 25; 18 : 18; Мк. 10 : 17; Мф. 19 : 16)“ (15, 530). Вторая часть комментария не вполне точна. Дело в том, что в синоптических Евангелиях присутствуют два принципиально различных эпизода, когда окружающие Христа обращаются к Нему с одним и тем же вопросом. (...) Об „искушении“ говорится и может говориться только в одном из двух эпизодов: „И вот, один законник встал и, искушая Его, сказал: Учитель! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?“ (Лк. 10 : 25). Однако Федор Павлович в келье

старца Зосимы „цитатно“ разыгрывает другой эпизод „Когда выходил Он в путь, подбежал некто, пал пред Ним на колени и спросил Его Учитель благий! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?“ (Мк 10 17) ( ) Упав на колени перед Зосимой, Федор Павлович, конечно же, травестирует не первый, с законником-искусителем, но именно этот, второй библейский эпизод»¹

Мне представляется, что в вопросе Федора Павловича могут подразумеваться обе цитаты, как вопрос законника, так и вопрос богатого юноши. С одной стороны, Федор Павлович точно цитирует Писание «И вот, один законник встал и, искушая Его, сказал Учитель! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?» (Лк 10 25). С другой стороны, действительно, слова «повергся он вдруг на колени» отсылают нас к другим евангельским словам «Подбежал некто, пал пред Ним на колени и спросил Его Учитель благий! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?» (Мк 10 17). Ответ Христа законнику «Он же сказал ему в законе что написано? как читаешь? Он сказал в ответ возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего, как самого себя [Иисус] сказал ему правильно ты отвечал, так поступай, и будешь жить», и после этого следует притча о милосердном самарянине, а ответ богатому юноше «Иисус сказал ему что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог Знаешь заповеди не прелюбодействуй, не убивай, не кради, не лжесвидетельствуй, не обижай, почитай отца твоего и мать ( ) Пойди, все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах, и приходи, последуй за Мною, взяв крест» (Мк 10 18—21). В словах старца Зосимы нет прямой отсылки ни к одному из этих текстов (оба ответа Христа представляют собой напоминание о заповедях, и ответ старца тоже связан именно с нравственным законом, однако по синтаксису он больше напоминает ответ богатому юноше²

При этом несколькими страницами раньше относительно ухода Алеши в монастырь говорилось «Сказано „Раздай все и иди за мной, если хочешь быть совершен“ Алеша и сказал себе „Не могу я отдать вместо «всего» два рубля, а вместо «иди за мной» ходить лишь к обедне“» (14, 25)³ «Раздай все и иди за мной, если хочешь быть совершен» — это не вполне точная цитата ответа Христа богатому юноше

---

¹ Тихомиров Б. Н. Религиозные аспекты творчества Ф. М. Достоевского. Проблемы интерпретации, комментирования, текстологии. СПб., 2006. С. 408–409.

² О синтаксических цитатах у Достоевского говорит в своей статье О. Меерсон (Меерсон О. Библейские интертексты у Достоевского. Кошунство и ли бо гословие любви? // Достоевский и мировая культура. М., 1999. № 12. С. 40–54).

³ На эту цитату также обращает внимание Б. Н. Тихомиров. См. Тихомиров Б. Н. Религиозные аспекты

«Пойди, все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах, и приходи, последуй за Мною, взяв крест» (вариант Мк 10 21), или же «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах, и приходи и следуй за Мною» (вариант Мф 19 21) А в поведении Ивана после последнего посещения Смердякова мы обнаруживаем аллюзию на притчу о милосердном самарянине «(Иван) вдруг схватил его и потащил на себе Увидав направо в домишке свет, подошел, постучался в ставни и откликнувшегося мещанина, которому принадлежал домишко, попросил помочь ему дотащить мужика в частный дом, обещая тут же дать за то три рубля Мещанин собрался и вышел Не стану в подробности описывать, как удалось тогда Ивану Федоровичу достигнуть цели и пристроить мужика в части с тем, чтобы сейчас же учинить и осмотр его доктором, причем он опять выдал и тут щедрою рукой „на расходы“» (15, 69) Итак, Федор Павлович задает вопрос, ответ на который получают два его сына — кстати, Алеша и Иван единоутробные братья Таким образом, ответ старца Федору Павловичу звучит на фоне двух ответов Христа на этот вопрос — законнику и богатому юноше

Можно привести и еще один пример фонового цитирования, уже не связанного со Священным Писанием Такое цитирование появляется в главе «Исповедь горячего сердца В стихах»

О роли «Элевзинского праздника» для образа Дмитрия говорилось уже неоднократно (например, в книге Р Бэлнепа «Структура „Братьев Карамазовых“») ⁴ Я отмечу только, что даже непосредственное появление «Элевзинского праздника» в этой главе очень интересно Дмитрий говорит «Я хотел бы начать мою исповедь гимном к радости Шиллера *An die Freude!*» (14, 98), и, действительно, через некоторое время приводит отрывок из «Гимна к радости», но уже после «Элевзинского праздника» Фактически «Ода к радости» — последняя стихотворная цитата в главе «Исповедь горячего сердца В стихах», после нее Дмитрий говорит «Но довольно стихов!» (14, 99) Можно предположить, что для Дмитрия исповедь начинается именно с этого момента, и в таком случае то, что он говорит, начиная с «Элевзинского праздника» до «Оды к радости», оказывается неким вставным текстом по отношению к его основной исповеди Однако выражение «Исповедь ( ) в стихах» не позволяет заключить, что исповедь Дмитрия начинается только после последней стихотворной цитаты — напротив, она должна была бы завершаться этими словами Вероятно, «исповедь в стихах» действительно представляет собой вставной текст, который также является исповедью, так что мы видим две разные исповеди Дмитрия И первая из них — «Исповедь в стихах» пишется на фоне «Элевзинского праздника» —

---

⁴ Бэлнеп Р Л Структура «Братьев Карамазовых» СПб , 1997

именно в ней появляется цитата из этой поэмы. Возможно, исповедь в стихах как вставной текст начинается со слов «Он поднял голову, задумался и вдруг восторженно начал», после чего и следует отрывок из «Элевзинского праздника».

Однако интересно другое. После второй прямой цитаты из «Элевзинского праздника» Дмитрий говорит: «...как я вступлю в союз с землею навек? Я не целую землю, не взрезаю ей грудь; что ж мне мужиком сделаться аль пастушком?» (14, 99). Слова «я не целую землю, не взрезаю ей грудь» звучат отсылкой к этой же поэме:

Тут богиня исторгает
Тяжкий дротик у стрелка,
Острием его пронзает
Грудь земли ее рука ⁵

Это первые четыре строки строфы. Однако даже их Дмитрий не цитирует прямо в отличие от предыдущего текста. Но дело в том, что в речи Дмитрия еще до процитированных строф есть намек на «Элевзинский праздник» — почти все стихи, которые приводит Дмитрий, написаны тем же размером — четырехстопным хореем, так что можно сказать, что Дмитрий уже чувствует его ритм еще до того, как в тексте появится прямая цитата. Получается, что весь эпизод пишется на фоне «Элевзинского праздника», который иногда словно прорывается на поверхность прямым цитированием, а иногда появляется в виде ритма или же скрытой отсылки, как в приведенном мною примере: «Я не целую землю, не взрезаю ей грудь» А вот конец строфы, на которую появляется отсылка:

И берет она живое
Из венца главы зерно,
И в пронзенное земное
Лоно брошено оно ⁶

Таким образом, первая часть вопроса Дмитрия является отсылкой к первой части приведенной строфы, а вторая — «что же мне мужиком сделаться аль пастушком» — звучит на фоне второй части строфы. Итак, Дмитрий задает вопрос, на который на поверхности текста он пока ответа не получает, но на самом деле ответ есть в той части текста «Элевзинского праздника», который не цитируется ни напрямую, ни с помощью косвенной отсылки, — и этот ответ звучит одновременно с его вопросом, потому что это продолжение той же строфы. Эти четыре строки могут быть сопоставлены с текстом эпитафии к роману «Если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет,

---

⁵ Шиллер Ф Собр соч В 7 т М, 1955 Т 1 С 295

⁶ Там же

то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» — речь также идет о зерне, брошенном в землю (и затем приносящем плод, если вспомнить продолжение поэмы). Примечательно, что прямая цитата из «Элевзинского праздника» притягивает в текст весь контекст поэмы, который к тому же соотносится и с эпиграфом к роману. На этом примере видно, какие сложные затекстовые переплетения образуются в текстах Достоевского.

Очевидно, что во всех этих случаях в область цитирования попадают не только собственно процитированные слова, но и их контекст. Следовательно, мы можем говорить о полном взаимодействии двух текстов — цитата словно скрепляет их, но на самом деле фоном для эпизода служит весь контекст приведенной цитаты, так что продолжение одного текста — авторского — развивается на фоне продолжения другого — цитаты — и таким образом речь идет о фоновом, или затекстовом, цитировании.

О В КОРЕНЕВСКАЯ, О В СЕДЕЛЬНИКОВА

РОМАН Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ» В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПЕРЕВОДАХ

Проблема воссоздания ритмической структуры оригинала

Смысловая емкость романов Ф. М. Достоевского обеспечивается всеми уровнями поэтики. Особая роль в этом отношении принадлежит специфическим элементам индивидуального стиля писателя, эксплицирующим тонкие смысловые грани как отдельных сцен, так и всего текста. Во многом это связано с всеобъемлющей полифонией, организующей его произведения, которая, в частности, проявляется в том, что каждый герой обладает своим типом сознания, чувствования, получающими выражение в характерных особенностях его высказываний. Достоевский сумел использовать огромный потенциал русского языка для обозначения не только прямой событийной информации, но и разнообразнейших оттенков мыслей и чувств героев, кодирующих истинный смысл происходящего по отношению к проблемному полю произведения. Значительная роль в этом отношении принадлежит ритмико-синтаксической организации как отдельных высказываний, так и всего текста. В нашем понимании ритма прозаического текста в его органической связи с используемыми синтаксическими структурами мы опираемся на идеи А. В. Федорова.¹

---

¹ Федоров А. В. 1) Язык и стиль художественного произведения М., Л., 1963, 2) Основы общей теории перевода М., СПб., 2002 С. 363—368